

Часть первая

Глава 1

Она проснулась, сладко потянулась, но глаза оставила закрытыми. Дала себе еще минутку понежиться, перед тем как вскочить. Ленка знала, что уже опаздывает. Будильник она проигнорировала, поэтому проспала.

— Прудникова, ты все еще дрыхнешь? — слышался удивленный мужской голос. — Как так? Тебе к девяти на работу!

— А времени сейчас?.. — спросила она, уткнувшись лицом в подушку. Даня отнял у нее десять секунд безмятежности.

— Пять минут десятого.

— Вот черт! — подпрыгнула на кровати Ленка. Не предполагала она, что встала настолько поздно. Будильник она заводила на семь сорок пять. — Я не могу опоздать на целый час. У меня испытательный срок...

— Знаю. Поэтому думал, что ты уже уехала на работу.

Душ можно не принимать, просто умыться, почистить зубы. Не завтракать, выпить лишь кофе. Впрочем, и от него лучше отказаться. Хватит и ста-

кана воды. Значит, на сборы она потратит всего десять минут, но ей добираться до работы минимум полчаса. Сейчас дикие пробки, а до метро далеко.

Ленка подбежала к Дане и запрыгала, как просящий лакомства щенок.

— Прудников, выручай! — проскулила она.

— Э нет, давай сама. Я только пришел со смены, умираю, хочу спать.

— Умоляю!

— Блин, мы два месяца как развелись, а ты по-прежнему на меня рассчитываешь.

— Но мы же расстались друзьями, — напомнила Ленка и помчалась в ванную. Была уверена, Даня ей не откажет. — А еще вместе живем! — крикнула она из-за двери, которую только прикрыла. Они так долго были парой, что перестали друг друга стесняться.

— Ты все равно уже опоздала, — ответил он и проследовал в кухню, чтобы взять из холодильника банку энергетика.

— Да, но еще есть надежда успеть до прихода начальника, — отвечала она с набитым мятной пеной ртом. — Он не является к самому открытию.

Даня залпом выпил энергетик, смял банку, кинул ее в картонный ящик, стоящий за плитой. Он собирал их, потом сдавал. Привычка, оставшаяся со времени голодного детства. Но тогда Даня сдавал банки, бутылки, чтобы заработать, и только теперь же еще заботился об окружающей среде. Он весь мусор сортировал. И Ленку приучил к этому.

— Я готова! — выпалила она, выскочив из ванной уже в спортивном костюме. Вчера она отправила его в корзину для грязного белья, но решила, что еще один раз наденет. Одежду на предстоящий

день Ленка с вечера не готовила. В отличие от правильного Дани.

— За что я тебя люблю, Прудникова, так это за умение быстро собираться.

— Все еще?..

— Как друга — да. — Он чмокнул ее в макушку, проходя мимо. В прихожей он обулся, естественно, воспользовавшись ложечкой, взял шлем. — Я пошел, догоняй.

— Да я готова. Только обуться осталось. — И она стала натягивать на ноги кроссовки. Даня посмотрел на нее с осуждением. — Да, я их не помыла. Но все равно же заляпаются.

— Ты неисправима, — закатил глаза он.

— Вот именно. А ты продолжаешь меня тыкать носом в мои, как ты считаешь, недостатки. Я пыталась измениться. Меня хватает на месяц.

— Ой, не лсти себе. На неделю от силы. Неужели так трудно с вечера помыть обувь, приготовить одежду, собрать сумку?

— Хватит того, что я мусор сортирую и сразу мою тарелки из-под гречи.

— Вот и все, чего я от тебя добился за семь лет, — продолжал бубнить он.

Нудил Прудников не всегда, только если хотел спать, а ему не давали. Работал он барменом в ночном клубе на Рублевке. По восемь часов стоял за стойкой, разливал напитки, смешивал коктейли, раскручивал посетителей на самую дорогую выпивку, шутил, заигрывал, выслушивал пьяный бред, сглаживал конфликты, уклонялся от стаканов, что периодически кидали в него те, кого было уже не унять. Даня дико уставал за смену, а потом еще домой добирался полтора часа. И это после того,

как приобрел мотоцикл, а когда на машине ездил, не укладывался в два. Но оно того стоило! Бывший Ленкин муж мог заработать за ночь столько, сколько она за две недели. Не каждая смена бывала такой денежной, но в любом случае за месяц Прудников поднимал пару сотен. Благодаря этому смог купить квартиру. В ипотеку и в строящемся доме, и все же. Сдать его обещали к концу года, а пока он жил вместе с Ленкой.

Познакомились ребята давным-давно, когда ей было шестнадцать, а ему семнадцать с половиной. Дружили. Ни о каких романтических чувствах речи не шло. Оба выживали, как могли, помогали друг другу. Ленка детдомовская, Даня из полной, но неблагополучной семьи, в которой родители пили, дрались, плевать хотели на детей. Отец попадался на мелких кражах, за что трижды сидел, а мать рожала. Тоже трижды. Столько же сделала аборт. А скольких не выносила, сама не помнила. Старший сын Прудниковых пошел по стопам отца. Напился, грабанул магазин, сел. Сестра сбежала из дома с дальнобойщиком в четырнадцать да сгинула где-то. Даня же решил стать апельсинкой. От осинок, говорят, они не рождаются, но парень своим примером намеревался доказать обратное. Он переехал из области в столицу, едва получив паспорт. Работал нелегально, жил где придется.

Когда Ленке государство выделило квартиру, переехал к ней. Летом спал на балконе, зимой в прихожей — она была больше кухни. Как только Ленке исполнилось двадцать, они фиктивно поженились. Это нужно было для того, чтобы она смогла улучшить жилищные условия. Вско-

ре она получила пусть плохонькую, но двушку. У обоих были отношения. И у него, и у нее большие. Друзья юности обсуждали их за кружечкой безалкогольного пива. Даня совсем не употреблял спиртного. Он верил в генетическую предрасположенность к болезням и боялся стать алкоголиком. Ленка бухала с двенадцати, но смогла через десять лет завязать. Выпила свою цистерну, как она говорила. Да и работе «синька» мешала. Но любовь к пиву осталась. Именно им они, детдомовские дети, обычно накидывались, покупая под него килькупряного посола. С повреждениями, не всегда свежую. В больших пластиковых ведрах. Иногда ее просто списывали, как просрочку, и выкидывали. А они подбирали. Брали ржаной хлеб, всегда мягкий, ароматный, на него они деньги находили, как и на пиво, и устраивали пиры.

Пряной килькой и солодом отдавал первый поцелуй Ленки и Дани. А секс был напитан ароматом лилий. На них они им занялись. Ленка тогда торговала в круглосуточном цветочном, Даню устроила ночным охранником. Лил дождь. Ни одного покупателя. Она составляла букеты из умерших лилий, которые нужно было срочно продать, лепестки опадали, устилали пол...

На нем — на них... Они и занялись любовью. И уже утром, закончив смену, поехали к Ленке домой, чтобы жить как муж и жена. Не фиктивные — настоящие.

Круто было первые два года. Третий нормально. Четвертый терпимо. Когда оба поняли, что они все еще любят друг друга, но лишь как друзья, решили развестись. Год еще с этим тянули, потому что штамп в паспорте никому не мешал.

Подали заявление, когда Ленка влюбилась. Да так, как никогда. До потери пульса, как говорили в ее детстве, а по факту — до утраты здравого смысла. Ее избранник говорил, что хочет жениться на Лене. Даню считал ее братом. Неудивительно, потому что они не только жили вместе, имели одну фамилию, но и были внешне похожи. Прудниковы развелись. Ленка приготовилась к новому браку и к переезду в квартиру любимого, но...

Ее обманули! Наговорили именно тех слов, которые хочет услышать каждая женщина. В браке с Прудниковым Ленка расслабилась. Забыла о том, что слова пусты и ими многие разбрасываются. Обещать не значит жениться, заявил ей тот, кого она любила до потери пульса. За это получил в морду. За что она поплатилась — ее уволили с работы. Что опять же не удивительно, ведь она ударила своего непосредственного начальника.

Новое место Ленка не сразу нашла. Потому что не искала. Страдала с месяц. Много плакала, ела... Нет, жрала! Закидывала в себя все, что казалось аппетитным. И даже напилась один раз, влив в себя литр мартини. Благо это не помогло. Прорыдавшись, проблевавшись, взяла себя в руки. И через две недели устроилась на новую работу.

— Прудникова! — прокричал Даня, направив мотоцикл на стоянку перед спортклубом «Валькирия». — Твой босс подъезжает!

Он знал автомобиль директора — оранжевый мини-купер. Эту машину считали бабской или гейской. Все, но не Борис Малов, директор спортклуба. Он называл свое авто тигром. И нарисовал на боках черные полосы, чтобы все понимали, что за тачка несется по городской саванне.

— Давай к заднему входу, — скомандовала Ленка. Даня сделал маневр, и двухколесный конь обогнул здание.

Когда мотоцикл остановился, Ленка чмокнула бывшего мужа в щеку и понеслась к двери. Знала: та не закрыта, потому что те работники, кто не на ЗОЖе, часто бегают на улицу курить. Она успела вовремя. Едва к стойке ресепшена подскочила, как Малов зашел в фойе. Хмуро со всеми присутствующими поздоровавшись, удалился в свой кабинет.

— Опять не с той ноги встал, — заметила администратор Вера.

— Скорее не с той кровати, — хохотнул тренер по танцам Валера. — Его Мальвина выставила, и наш Карабас к себе в Химки вернулся.

Мальвина была молодой вдовой старого бандюгана. Владела спортклубом, жила в центре и до недавнего времени встречалась с Маловым, которого персонал «Валькирии» прозвал Карабасом. Весть о том, что он получил отставку, разнеслась еще вчера, но тогда Вера была выходная. Танцор и администратор принялись сплетничать, а Ленка, налив себе кофе, отправилась в раздевалку. До первого занятия оставалось двадцать минут, она успеет сполоснуться и натянуть лосины с майкой.

Прудникова была тренером по пилатесу, стрейчингу и йоге. Проводила занятия с беременными. Но это в последнее время. До этого занималась кикбоксингом: не только работала инструктором, но и участвовала в любительских поединках. Когда поняла, что этот спорт делает ее злее, переквалифицировалась.

На то, чтобы подготовиться к первой тренировке, ушло пятнадцать минут. Не успела Ленка

только перекусить. А в животе урчало. Ей бы хоть батончик протеиновый съесть, но лучше не злить Карабаса. Увидит, что она прохлаждается, в лучшем случае наорет. А может и уволить. По словам сотрудников клуба, он со стажерами был очень суров. Считал, что они должны небеса благодарить за то, что их взяли в «Валькирию». Клуб был исключительно женским, очень дорогим, и пользовался популярностью у жен богачей. Любовницы их посещали другие места, те, куда ходили мужчины. Там они присматривали себе или новых папиков, или мальчиков для сексуальных утех, в то время как почтенные супруги олигархов могли спокойно заниматься в «Валькирии». Они, как правило, были культурны, старательны и, что главное, щедры. Любимым тренерам делали хорошие подарки на праздники. Тот же Валера, очаровательный гей, косящий под мулата (ежедневные походы в солярий, филеры в губах, черная краска для волос и афрокосички делали свое дело), получил на день рождения с десятков коробок из ЦУМа. В них одежда, обувь, украшения от известных брендов. Они потянули на восемьсот тысяч. Валера, не будь дураком, сдал все эти подарки в ЦУМ, где работал его парень, купил себе на рынке «Садовод» подделки, а на вырученные деньги приобрел пусть подержанный, но бодренький автомобиль «Ситроен».

Ленка провела одно занятие за другим, сделав перерыв на ланч. После обеда еще тренировка для будущих мамочек — и до вечера она свободна. Можно в хаммаме посидеть, в бассейне поплавать. Ленка вышла из здания, чтобы купить себе нормальной еды. Хотелось блинов с начинкой из

творого. Они продавались в ближайшем супермаркете. Готовые, с пылу-жару. Их можно было съесть прямо там, за столиком, и запить простоквашей. Ленка скрывала от своих коллег тот факт, что она неправильно питается. Фитнес-тренеры едят блины только на Масленицу, а она — когда хочется.

Предвкушая трапезу, Ленка шагала к магазину, но ей преградила дорогу какая-то пьяница.

То была женщина неопределенного возраста, худая телом, полная лицом. Волосы рыже-седые, собранные в хвост на макушке. Одежда давно не стиранная, но качественная, некогда модная и, скорее всего, дорогая.

Ленка попыталась обойти пьяницу, но та остановила ее окликом:

— Не узнала?

Прудникова остановилась, обернулась. Встретилась глазами с женщиной. А их с другими не спутаешь: один карий, другой голубой.

— Богема? — ахнула Ленка.

— Мы же договорились когда-то забыть о кличках.

— Да, точно. Элиза, прости, я не узнала тебя.

— Я так сильно изменилась?

— Да, — не стала обманывать ее Ленка.

— Ты тоже. Но, в отличие от меня, в лучшую сторону.

«Я очень долго над собой работала ради этого результата», — хотела сказать она, но оставила слова при себе. Они прозвучали бы как укор. Поэтому спросила:

— Ты живешь где-то неподалеку?

— Ага.

— Все в той же квартире? — подивилась Ленка. Элиза росла в хоромах на Тверской. Ее дед был

известным советским композитором, отец — скрипачом, а мама-танцовщица — музой молодого художника Паскаля. С ним она ездила по международным выставкам и с ним же осталась в Париже, забыв о муже и дочери навсегда.

— В одной комнате. Остальные пришлось продать.

— Какую оставила себе?

— Кабинет деда. Все в нем напоминает мне о том времени, когда я была счастлива.

— Не хочешь перекусить? Я направляюсь в «Спар» за блинчиками.

— Если угостишь — поем. Я забыла кошелек дома. — И спрятала свои удивительные разноцветные глаза. Не хотела врать в лицо подруге юности, как и признаться в том, что денег у нее нет совсем.

— Конечно, пойдём.

Они направились к супермаркету. Элиза шла нетвердо, хоть от нее и не пахло алкоголем, только тухлыми духами. Заметив Ленкин взгляд, она пояснила:

— Ногу сломала в прошлом году. Кость неправильно срослась, теперь прихрамываю. А как твои кисти?

— Болят, — коротко ответила Ленка. Они тоже были сломаны когда-то. — Но я уже этого не замечаю. К боли привыкаешь.

— Ты всегда была сильнее меня. Поэтому осталась человеком. Я чуть в обморок не хлопнулась от радости, когда увидела тебя на рекламном плакате «Валькирии».

— Я там стою на голове. Причем на заднем плане. Как ты могла меня узнать?

Богема пожала плечами.

— Ты ко мне пришла в клуб, не так ли? — осенило Ленку.

— Да. Но меня не пустили. Пришлось ждать у входа.

— Что случилось, Богема? — Пятнадцать лет назад они договорились не только забыть о кличках друг друга, это ерунда. Главное — решили перестать не просто дружить, а даже общаться. Похоронить прошлое. Начать новую жизнь. Но если в ней им суждено будет пересечься, обращаться друг к другу по имени.

— Нечто ужасное. Но я пока не понимаю, что именно.

— Как туманно, — пробормотала Ленка.

— Одно скажу точно: прошлое вернулось! Восстало из могилы. Мы все снова в опасности.

Глава 2

Мара стояла у зеркала, смотрела на свою новую татуировку на плече и хмурилась.

— Не нравится? — забеспокоился мастер. Он робел перед Марой, как многие мужчины. Она навела на них ужас своими повадками гопника и обезоруживала невероятной красотой.

— Пржежня просвечивает, — сердито ответила она. Мара забивала старую, тюремную. По глупости сделала несколько наколок, когда отбывала срок, сейчас от каких-то избавлялась, а некоторые видоизменяла.

— А, это не страшно, — выдохнул мастер облегченно. — Мы не весь контур залили. Когда доделаем, будет идеально.

— Я не тороплюсь, доделай сейчас.

— Рисунок сложный, могу все испортить. Потерпите две недели.

— Неделю.

— Не успеет зажить.

— На мне, как на собаке, — отмахнулась Мара. — Так запиши меня на следующий понедельник.

Спорить с ней мастер не стал. Заклеил ей татуировку, дал несколько наставлений и пожелал доброго дня. Когда Мара вышла из кабинета, облегченно выдохнул. Те два часа, что он бил тату, ему казалось, что клиентка крепко держит его за яйца и если что-то пойдет не так, выкрутит их, а то и оторвет.

Мара могла сделать это. Причем не метафорически — физически. Она оскопила того, кто ее изнасиловал. За что села в тюрьму на пять лет (насильник умер от кровопотери). Могла бы выйти раньше, но примерным поведением не отличалась, поэтому отмотала срок от звонка до звонка.

На воле Мара быстро себя нашла. Все благодаря красоте — пронзительной, завораживающей, противоречивой. Мара от природы была женственной, манкой, аппетитной, сводящей мужиков с ума своими формами и каштановыми кудрями, но на зоне она похудела, накачалась, остригла свои роскошные волосы и стала пределом мечтаний пассивных лесбиянок и бисексуалок. С первыми она старалась не связываться. Они сразу начинали ее рассматривать как потенциального партнера для жизни, а Маре не нужны были серьезные отношения. Но переспать с ищущей острых ощущений девушкой-би она была не прочь. Удовольствия ей это не доставляло, но

было не противно. Не то что с мужиками. Мара знакомилась в тематических клубах с богатыми дамочками, проводила с ними ночь, брала за это деньги и неплохо себя обеспечивала. В итоге она нашла покровительницу, жену депутата Мосгордумы. Та любила супруга, уважала его, но поскольку он с ней не спал, а ей бабе-ягодке в самом соку секса хотелось, то она решила найти партнершу, которая бы доставляла ей удовольствие. Это, как она считала, не большой грех. Мужчины секс с женщиной изменой не считают. Тем более он без любви, а лишь по симпатии.

Мара ей понравилась. Сначала внешне, потом и как человек. Со сложным характером, искалеченной судьбой, темным прошлым, порочным настоящим. Мара и Кара (Карина) стали настоящими подругами. Секс присутствовал в их отношениях, но его становилось все меньше. Он сошел на нет, когда у Кары начались проблемы со здоровьем. Мара поддерживала ее. Ходила с подругой по врачам. Дежурила у постели прооперированной Кары, тогда как ее муж лишь иногда навещался, а учащийся в Лондоне сын звонил по видеосвязи. И отправилась бы вместе с ней в израильскую клинику, где больную обещали поставить на ноги, если б была выездной.

Все это время Кара помогала ей деньгами. Ненавязчиво. И не обидно. Когда Мара перестала принимать их, вдохновила ее на открытие собственного бизнеса. В первую очередь дала ей поверить в себя, а уж потом ссудила эзную сумму. Одолжила, то есть. Сказала, вернешь, когда отобьешь деньги, я в тебя верю.

Кара умерла в Израиле, и там же ее похоронили. Маре не только не пришлось возвращать долг, она еще и получила в наследство небольшую квартирку. Обо всем этом она узнала от душеприказчика покойной. Оказалось, Кара знала, что безнадежна и едет на Землю обетованную умирать.

Ни по кому Мара так не плакала, как по ней. Ни по погибшей матери, ни по своему ребенку, скончавшемуся в трехмесячном возрасте, ни тем более по себе, битой, ломаной, истерзанной еще в юном возрасте. Она так тяжело переживала утрату, что хотела отказаться от квартиры, бизнеса. Как будто этим она могла вернуть Кару. Спасибо той. Явилась во сне и погрозила пальчиком.

Благодаря ей у Мары сейчас все более или менее хорошо. Сниматься она перестала давно, сразу после того, как их отношения с Карой перешли на новый уровень, бизнес начал-таки приносить прибыль, квартирку она под себя обустроила. В планах было родить дочку, толстоляхую, щекастую Машку, завести собаку и попугая-ару, а еще съездить в Израиль, чтобы навестить могилку Кары.

Тату-салон Мара покинула в полдень. Вызвала такси и поехала на работу. Сама она не водила авто и не собиралась учиться и сдавать на права, как и покупать машину. Если она когда-нибудь разбогатеет, то просто начнет пользоваться такси бизнес-класса. Но только не метро. На нем Мара не ездила никогда. В период безденежья каталась на автобусах, лишь бы не спускаться под землю. Едва она ступала на эскалатор, как начиналось удушье. В памяти всплывали картинки из прошлого: ее бросают в пересохший колодец, затем

отверстие закрывают листом железа. Мара должна была умереть там, но чудом выжила. Небеса послали двух девочек-подростков, услышавших ее слабые крики. Одну звали Элизой, вторую Ленкой. Богема и...

Впрочем, неважно. Они поклялись забыть о своих кличках навсегда!

Мара доехала до ателье, где нанятые ею швеи строчили спецодежду. Она сама занималась этим на зоне, знала, что к чему. А также понимала, какие копейки на этом заработаешь, если будешь нормально девочкам платить. Поэтому на их предприятия еще и подделки под фирму изготавливались. Качественные, штучные. Ими занимались две зэчки, молодая и в возрасте. Первая великолепно вышивала, вручную обрабатывала края, вторая в восьмидесятых у Славы Зайцева в его модном доме работала закройщицей, вдвоем они такие идеальные вещи изготавливали, что главные дизайнеры именитых домов не отличили бы их произведения от своих.

Выйдя из такси, Мара увидела молодого мужчину с внешностью херувима. Точеные черты, небесно-голубые глаза, русые кудри. Ему чуть жирка поднабрать — будет вылитый ангелок. Но Иван, а именно так звали мужчину, был поджар. И волосы стриг коротко, но стоило пропустить поход к парикмахеру, как они начинали закручиваться в кольца.

— Привет, вредина, — поздоровался с Марой Иван.

— Салют!

— Кофейку не желаешь? — Он продемонстрировал два стаканчика из «Старбакса».

Мара взяла один и, бросив «спасибо», пошла дальше.

С Иваном она познакомилась месяц назад. Он снял соседний офис, в нем продавал какую-то компьютерную хрень (он говорил, что именно, да она не поняла), а иногда и ночевал, потому что с женой у него были нелады, но поставить точку в отношениях ни один из супругов не решался.

— У вас есть дети? — спросила Мара, узнав о семейных дрызгах Вани.

— Нет.

— Совместно нажитое имущество?

— Жилье снимаем, оба понаехали.

— После ссор у вас умопомрачительный секс?

— Мы им вообще не занимаемся уже несколько месяцев.

— Тогда почему не разводитесь, не понимаю?

— Мы даже и не женаты официально. Я могу просто собрать чемодан, технику и уйти. Сколько раз это делал, но оставался.

— Вопрос повторить?

— Не могу один. Готов уйти только к кому-то.

— Слабак.

— Ага. Мы, маменькины сынки, все такие. — В самокритике ему нельзя было отказать. — Возьми меня в мужья, Маринка.

— Терпеть не могу, когда меня так называют. Я — Мара.

— И вредина. Так что, возьмешь?

— Конечно, нет.

— Потому что лесбиянка и мечтаешь найти женщину своей мечты?

— Откуда ты знаешь, что у меня ее нет?

— У тебя бабий коллектив, а я обаяшка. Мне уже все обо всех рассказали.

— Не собираюсь ни с кем жить. Ни с девушкой, ни с парнем, ни с тем, кто не определился с полом. Я асексуал, Ванечка. И одиночка. В паре не нуждаюсь.

— Жаль. Ты мне нравишься. И я уверен, мы бы поладили.

Больше они к этой теме не возвращались. Но иногда болтали за кофе, играли в его офисе в компьютерные стрелялки. Маре Иван тоже нравился. Он был легким, интересным, ироничным и не робел перед ней. А еще она отмечала его красоту. «Если рожать доченьку, то от такого!» — все чаще думала Мара. Все лучше воспользоваться биоматериалом знакомого мужчины, чем обращаться в банк спермы.

Мара перво-наперво зашла в швейный цех. Проверила работу девочек, поболтала с ними. Каждой по шоколадке подарила. Всем разные, а не так, что оптом упаковку молочного с изюмом купила и раздала. Мара знала вкусы своих швей, благо их было немного, всего десять человек. Одна любила «Баунти», другая «Аленку», третья только горький ела. Ее звезды, закройщица и вышивальщица, не признавали шоколад без коньяка. И для них приобретался тот, что с пьяной вишней или бренди. Мара не подлизывалась к девочкам. Она искренне хотела их порадовать. Но также понимала, что работник, хорошо относящийся к руководителю, будет больше стараться.

Плечо покалывало. И это хорошо, потому что пусть слабая, но боль напоминала о том, что надо промыть татуировку и смазать ее пантенолом

еще раз. Мара направилась в туалет, чтобы сделать это.

Она втирала мазь в воспаленную кожу и вспоминала сына.

Его звали Борисом, сокращенно Бо. У него был такой милый ротик, круглый, пухлый, чуть приоткрытый. Выдыхая воздух, он будто произносил этот звук... Бо!

Мара родила его от вертухая. Зона, в которую она попала после драки с двумя зэчками, была смешанной. На мужиков-надзирателей велась охота. Бабенки готовы были с любым переспать. Даже вступившие в лесбийские отношения нет-нет да срывались. Им не столько пениса хотелось, сколько крепких мужских объятий. Волосатых рук, вониз-под мышек, колючей щетинистой щеки, что соприкоснется с твоей. По факту, другой энергетикой! Мара их не понимала. Ей все мужчины казались отвратительными. Но только не Рафик. Он был высоким, мускулистым татаринком со смешливыми зелеными глазами и ногами колесом. Ему бы не дубинку в руки, а лук со стрелами. Одеть не в камуфляж, а в кольчугу. И на коня посадить. Истинный хошун, гвардеец Чингисхана. Но и без этого всего он завоевал сердца зэчек. По нему и славянки сохли, и азиатки, и пара мулаток — были у них и такие. А Рафик влюбился в Мару.

Она не поняла этого, пока на нее не накинута корейка Анита. Она была фавориткой красавца-вертухая. Он пользовал многих, но ее выделял. И вдруг появилась новенькая, что затмила всех. Рафик влюбился в Мару так сильно, что боялся ее домогаться. Она оценила это. И отдалась по соб-

ственной воле спустя три месяца. Вскоре залетела, родила.

Рафик не узнал о том, что у него сынишка появился. Перевелся в другую зону, когда Мара еще на сносях была. Она понимала, что беременна, но скрывала это. Ребеночка она планировала родить только для себя. Но если бы она обратилась к доктору, Рафик понял бы, что отец именно он. Мара на позднем сроке рассекретилась. Кажется, седьмой шел.

Она мечтала о дочке, но родился пацан. Немного странный. У него, скорее всего, были проблемы со слухом, потому что он не реагировал на голоса. И все равно Мара его полюбила. А как иначе? В муках рожала, сиськой кормила, укачивала... А когда спал, смотрела на его мордашку и умилялась. Выдыхая воздух, он будто произносил: «Бо!»

Мальчик умер внезапно. От чего — непонятно. Скорее всего, из-за халатности. Он приболел, был помещен в больничку. Сильно кашлял, а с лекарствами на зоне беда. Мара растирала его грудь бальзамом «Звездочка», а себе им же мазала шею и плечо. Ребенок плакал, она убаюкивала его, таская на руках. А ее Бо был очень крупным мальчиком! Он вроде пошел на поправку. Мара не могла находиться с ним постоянно, ее рабочие обязанности никто не отменял. Пришла как-то со смены и узнала, что Боря умер. Сказали, инфекция. Но на виске синяк. Уронили ее малыша, когда укачивали.

Похоронив Бориса, Мара набила его имя. Его она свела в первую очередь. Поняла, что не нужно превращать свое тело в надгробный памятник и

слишком часто вспоминать мертвецов, особенно безгрешных, пусть покоятся с миром.

— Мара, тебя к телефону! — услышала она крик своей помощницы Томы, которую все называли Том-ям — в честь тайского супа. Девушка была по матери якуткой, но для русских все азиаты похожи.

— Ответь за меня!

— Я хотела. Но сказали, по личному вопросу.

Мара вышла из туалета и проследовала в кабинет. Там находился стационарный телефон, на который по личным вопросам ни разу не звонили.

— Слушаю, — бросила в трубку Мара.

— Привет, на пиво нет?

— Простите?

— Забыла нашу любимую присказку?

— Кто это?

— Элиза.

— Кто-кто? — Она все еще не верила, что говорит с Богемой.

— Ты не ослышалась. Это я, Элиза Райская.

— С ума сойти, — выдохнула Мара. — Как ты меня нашла?

— Это было нетрудно. Ты индивидуальный предприниматель, чей бизнес работает официально. Я вбила в поисковике твое имя, фамилию, дату рождения и получила контактный телефон фирмы «KARA». — Да, Мара назвала ее в честь своей благодетельницы. — Рада, что застала тебя в офисе.

— Что ты хотела, Элиза?

— Увидеться с тобой.

— Зачем?

И услышала страшное:

— Прошлое вернулось!

Глава 3

Ребеночек сильно пинался, очень был беспокойный. Первое время Алла переживала из-за этого. То была ее пятая беременность, и ни разу она с подобной активностью малыша не сталкивалась. На обследовании поделилась с доктором своими переживаниями, тот успокоил: «Пацан в полном порядке. Вырастет каратистом!»

Да, Алла носила мальчика. Первого и, как хотелось верить, последнего. Больше она рожать не планировала. Хватит с нее пятерых.

С девочками было не легче. Скорее, по-другому. Говорят, что дочери забирают красоту матери. Алла расплывалась, отекала, покрывалась пигментными пятнами, но оставалась спокойной. Быть может, потому, что ее тянуло на сладкое, и она закидывала в себя килограммы шоколада. С каратистом все было иначе. Она осталась стройной, только пузико торчало вперед, энергичной, немного воинственной. Ругалась в очередях и транспорте. Бегала за своей собакой, когда та срывалась с поводка. Уплетала чипсы, хоть ей это и запрещалось. Но после пачки «Читос» каратист успокаивался, а вместе с ним и она.

Алла любила этого малыша. Даже первенец, находясь в ее утробе, не вызывал в ней подобного чувства. Катенька завладела маминым сердцем только после рождения. К остальным девочкам она тоже относилась спокойно. Но каратист... Он что-то перевернул в Алле. Не потому, что пацан или последыш, просто он ЕЕ ребенок. Кармически ЕЕ. Алле нравился его характер, она понимала его требования, а он ее — когда она выбивалась из сил,

он затихал. Она видела его во сне, чернявенького, поджарого, с раскосыми глазками своего папы-казаха. Алла даже имя ему дала — Александр. Хотя понимала, что каратист получит другое. То, что выберет для него отец, а он назовет сына Маликом (владыка) или Хайдаром (сильный, как лев).

— Санечка, успокойся, пожалуйста, — обратилась Алла к животу. — Нам с тобой еще за Катенькой в секцию идти.

Дочка занималась художественной гимнастикой. Подавала большие надежды, поэтому даже летом, когда остальные дети отдыхали, тренировалась. Все, что Алла делала в этой жизни, было для нее. Самой ей хватило бы самого малого. Она с детства привыкла во всем себе отказывать.

Каратист внутри нее для порядка еще попинаясь, чтобы дать понять, кто тут главный, но вскоре затих. Алла свистнула Бонниту. Собака породы бигль тут же примчалась и стала припрыгивать. Именно такую хотела дочка, уверяла, что будет о ней заботиться. Алла купила, хоть и понимала, что Катенька быстро наиграется в мамочку милой псинки и подкинет ее «бабушке». Так и вышло. Девочка обожала Бонниту, играла с ней, но и только. Заботилась о ней Алла. Но что поделать? У Катеньки и времени на это нет. Школа, общеобразовательная и спортивная, занятия по вокалу, английский с репетитором. Ребенок тотально занят. Но по своему желанию. Алла ни к чему не принуждала. А поддерживала — во всем.

Она прицепила к ошейнику Бонни поводок и вышла из квартиры следом за собакой. Та мча-

лась впереди, лая, прыгая, поскуливая, хорошо, не пописывая. Научилась с возрастом себя сдерживать.

Катюшу Алла родила от нелюбимого. И это если мягко сказать. Точнее и грубее — от насильника. Она повторила судьбу своей матери. Над той тоже надругались, она затянула с абортom, поэтому дала ребенку жизнь, но не любовь. Аллу мать ненавидела, видела в ней своего насильника, била, унижала, но в детдом не отдавала по двум причинам. Первая, очевидная: из-за денег. Матерям-одиночкам пусть мало, но платили, а еще добрые люди помогали кто чем мог. Но была и вторая: через девочку она как будто мстила своему насильнику. Хлеца ее по лицу, она давала пощечины тому, кто надругался над ней.

Алла терпела издевательства долго — пока не поняла, что чаша переполняется. Еще немного, она сорвется и... Убьет мать! Она ненавидела ее так же сильно, как та свою дочь. И Алла после очередного избиения решила действовать. Мать лупила ее больно, но аккуратно. Как в ментовке, не оставляя следов. Никто и не думал, что девочку истязают. Она иногда была в синяках, но маленьких, у каких детей нет таких? А ободранные коленки или локти? Все носятся, падают. Не скажешь, что Аллочка стояла до ночи на четвереньках на бетонном полу, вымаливая прощение за разбитую чашку или грубое слово.

Мать выпивала и не работала, но она не устраивала концертов, мужиков не водила. Умело давила на жалость. И делала вид, что заботится об Аллочке. Та всегда была пусть в поношенном, но чистеньком. При всех она угощала дочь печеньем,

яблоками, пирожками. А дома морила голодом и заставляла стирать и свою, и ее одежду.

Когда ненависть к этой садистке начала выплескиваться, Алла воткнула в себя нож и побежала к соседям. Она кричала, заливала кровью лестничную клетку, теребя рукоятку, билась в хорошо продуманной истерике. Потом, когда ей открыли, лепетала, что мама не со зла так поступила, она просто воспитывала. Алла сама виновата, она порвала юбку. А под ней попка в красных полосах. Обычно к утру они проходили. Но свежими выглядели устрашающе. Алла привыкла к следам от порки на своем теле, а нормальные взрослые люди нет.

Соседи вызвали полицию и «Скорую». Мать и дочь забрали. В больнице Аллу навестил детский психолог. Девочка такого ей порассказала, что у женщины случилась истерика. А Алла при этом лишь чуточку привирала.

Мать лишили родительских прав, отправили на принудительное лечение, а дочь в детский дом. Тогда ей было одиннадцать. Больше они не виделись.

Теперь Алле двадцать девять. Она родила четверых, ждет пятого. У нее все хорошо, но только в последнее время.

...Алла вышла из подъезда и чуть не выпустила поводок, когда Боннита рванула вперед. Бигли не крупные собаки, но такие бешеные, что с ними трудно совладать. Раньше в семье Антиповых домашними питомцами были коты. Пушистые, ленивые, очень ласковые. Беременная Алла валялась вместе с ними на диване и была счастлива. Но когда умер последний, ее любимец Леопольд, она завела для дочки собаку.

Родила она Катеньку от того, кого видела в будущем своим мужем. Скромный парень, приятный. Не красавец, но симпатичный. Он работал водителем грузовика, планировал выкупить его, чтобы не батрачить на дядю. Жил с родителями, но в двадцать два кто может себе позволить отдельное жилье?

Они познакомились, когда Алле было семнадцать. Разница в пять лет казалась ей идеальной. Как и период ухаживаний длиною в год. За это время они хорошо друг друга узнают, проверят чувства. Когда Алле исполнится восемнадцать, а ее парню двадцать три, подадут заявление в загс, потом поженятся. Прекрасная молодая семья получится. Если Бог даст, многодетная.

Первые месяца три все было хорошо. Они встречались, гуляли, в кино ходили, целовались на последнем ряду. Алле казалось, что она встретила своего человека. Она рассказывала ему о своем видении их совместного будущего, и он соглашался. Вроде желал того же! А оказалось, просто жаждал затащить Аллу в постель. Друзья хвалились своими любовными похождениями, и ему хотелось. Думал, с детдомовской быстро получится. Они там с малых лет трахаются. Алла оказалась не такой. Но, как считали друзья, просто притворялась целкой. Чтобы женить его, дурака, на себе.

Их отношениям полгода исполнилось, когда ЭТО свершилось! Без согласия Аллы. Но и без вопиющего насилия. Ее не били, не привязывали... Ею просто воспользовались. Она не смогла справиться с высоким сильным парнем, чьи руки привыкли крутить баранку грузовика. Твердила как заведенная: «Нет!», отталкивала, скрещивала

ноги. А он только распался. Хотел думать, что это такая сексуальная игра. Друзья говорили, что женское «нет» зачастую означает «да».

Когда все закончилось, парень увидел кровь на своем члене, на ее лоне и юбочке.

— У тебя месячные? — спросил он.

— Ты лишил меня невинности, придурок! — закричала Алла. — Я берегла ее для мужа! И ты знал об этом...

— Думал, ты обманываешь.

— Теперь понял, что нет? — Он сначала пожал плечами, потом кивнул головой. Решил согласиться. — Теперь нам точно придется пожениться раньше срока, — решительно проговорила Алла. Она готова была простить парню его несдержанность.

— Я не против, — промямлил он.

Тогда они виделись предпоследний раз.

Тот, кого Алла рассматривала в качестве будущего мужа, начал избегать ее. Даже с работы уволился. Но она смогла подкараулить его у дома друга, где, собственно, и произошло... Таинство зачатия! Да, она сразу забеременела. Первый секс, и сразу залет. О нем нужно было сообщить отцу ребенка. Он выслушал новость, сказал, я рад, женюсь, как и обещал, но сейчас у меня проблемы, разбил грузовик, с меня требуют кучу бабок, давай через неделю встретимся тут же. Алла, наивная душа, поверила. А отец ее будущего ребенка меж тем собирал манатки, чтобы переехать на Дальний Восток. Там водители грузовиков получали больше, чем в столице, и могли рассчитывать на жилье. А главное, город, в который парень летел, был за

тысячи километров от Москвы, в которой его хотела на себе женить хитрая малолетка.

Поняв, что ее обманули, девушка разозлилась. Гормоны обострили обиду. Алла стала грозить несостоявшейся свекрови. Узнала, где та проживает, заявила, чтобы сообщить, что намерена написать заявление на ее сына. Думала, та испугается и уговорит его жениться на Алле. Но где там! Женщина в ответ так застращала девушку, что она еще долго ходила, оглядываясь.

— У меня брат участковый. То есть связи в ментовке есть, — цедила тетка. — И не в ментовке тоже. Я санитаркой в травмпункте работаю. Пьяницы и наркоманы — наши постоянные клиенты. Шепну кому надо, тебя по-настоящему изнасилуют. По кругу пустят. А брат всех недавно откинувшихся на районе знает, они до баб голодные. Им только намекни, что есть доступная шмонька, а за ее пользование им ничего не будет...

— Вам не стыдно угрожать ребенку?

— Жеребенку, — фыркнула та. — Подмахнула сыну моему, чтобы женить на себе. Не от него же залетела, так?

— Нет! Я ношу вашего внука. И не подмахивала я. Хотела, чтоб все как у людей после свадьбы.

— Мне не рассказывай. Знаю я вас, шлюшек детдомовских.

Она много еще чего наговорила. Из ее поганого рта какой гадости только не лилось! Алла уже не хотела замуж за того, кто был воспитан этой особой. Она покинула квартиру, а ей вдогонку летели проклятия. «Чтоб ты сдохла» было не самым страшным.

И все же Алла не пожалела о том, что сходила к несостоявшейся (слава богу!) свекрови. Она пере-загрузилась и начала думать не о себе, а о ребенке. Он ни в чем не виноват, поэтому нужно сделать все возможное, чтобы родить здоровенького.

Катюша появилась на свет именно такой. Благо переживания первого триместра не отразились на ней. Алла дала ей отчество Владимировна. В честь президента.

Было трудно. Порою невыносимо. Но Алла справилась. Сейчас и у нее, и у доченьки все хорошо. И остальные детки здоровые. А Сашенька просто отрада мамина...

Мысль споткнулась. Теоретически да, она мать, но суррогатная. И все дети, кроме Катюши, не ее. Она просто вынашивала их, чтобы заработать денег.

Сотрудничать с центром суррогатного материнства Алла начала, когда дочери исполнилось три. Та мечтала о художественной гимнастике. Кувыркалась, садилась на шпагат, бегала по дому с ленточкой. Она просила маму отдать ее в секцию. Но Алла едва концы с концами сводила, вкалывая на двух малооплачиваемых работах. И если деньги на чешки и купальник она еще могла найти, то времени на то, чтобы водить Катеньку на секцию — нет. И тут, о чудо! Позвонил их детский врач, сообщил, что уходит в частную клинику, и предложил напоследок осмотреть Катюшу. Алла удивилась (ни разу им не звонили даже медсестры), но отправилась с ребенком на прием. Доктор обрадовал, Катя абсолютно здоровый ребенок. И мама в порядке, он ее карточку из женской консультации посмотрел, она в соседнем здании.